

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д74

Teresa Driscoll

I'M WATCHING YOU

© 2017 by Teresa Driscoll

Школа перевода
В. Баканова

Дрисколл, Тереза.

Д74 Я слежу за тобой / Тереза Дрисколл ; [пер. с англ. А. Андреева, Я. Саравайской]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101026-3

Откуда берутся бестселлеры? Прямо из нашей жизни. Однажды автор ехала поездом в Лондон. В ее вагон вошли двое молодых людей с черными мешками. Когда выяснилось, что их лишь сегодня выпустили из тюрьмы, ей стало не по себе — и в то же время ужасно захотелось узнать, что же будет дальше. Так возник этот роман...

Двое привлекательных парней подсади к паре молодых девушек у окна в поезде и начали флиртовать. Сидевшая неподалеку Элла Лонгфилд не обращала на них внимания, пока случайно не услышала, что парни только сегодня вышли из тюрьмы. Ее стали мучить сомнения. Вмешаться или нет? Мало ли что можно ожидать от двух бывших заключенных... В конце концов, она сама мать. В итоге Элла решила не вмешиваться — у молодежи свои дела, своя жизнь. А на следующее утро ее буквально ошарашила новость: одна из тех девушек, зеленоглазая Анна, бесследно исчезла...

Прошел год. Анну до сих пор не нашли, ее попутчиков — тоже. Элли терзают угрызения совести. И в довершение ко всему, кто-то шлет ей открытки с угрозами. Кто-то знает, что она промолчала. Кто-то следит за ней. Кто-то хочет, чтобы она ответила за всё...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101026-3

© Перевод на русский язык,
А. Андреев, Я. Саравайская, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

■ Июль 2015 года

Глава 1

СВИДЕТЕЛЬНИЦА

Я совершила ошибку. Теперь-то ясно.

И все только из-за услышанного тогда в поезде. Послушайте, по правде говоря — каково было бы вам?

До того случая я вовсе не считала себя ханжой. Или наивной. Ладно, ладно, я получила довольно обычное — можете сказать, безмятежное — воспитание, но... господи, посмотрите на меня. Я немало пожила, немало знаю. В плане морального поведения довольно средняя по шкале Рихтера, — поэтому меня так потрясло то, что я услышала.

А ведь казались славными девчушками!

Конечно, не стоило мне слушать чужие разговоры. Но как ничего не слышать в общественном транспорте, скажите на милость? Одни стрекочут в свои мобильники, другие начинают говорить громче, чтобы их расслышал сосед...

Наверное, я не влипла бы в эту историю, будь у меня книга поувлекательней. Увы, к моему величайшему сожалению, я купила книгу по той же при-

чине, по которой купила журнал с ветрогенераторами на обложке.

Я где-то читала, что человека к сорока годам больше должно беспокоить то, что он думает о других, чем то, что думают о нем. Почему же у меня до сих пор все не так?

«Хочешь купить журнал “Хелло”, так покупай, Элла». Плевать, что подумает скучающая студентка за кассой.

Куда там!.. Я покупаю какой-то экологический журнал и поучительную биографию; и к тому моменту, как в Эксетере в вагон входят два молодых человека с черными пластиковыми пакетами, я уже маюсь от скуки.

И вот вопрос. Что придет вам в голову при виде входящих в вагон двух парней, каждый с черным пластиковым пакетом — с неизвестным содержимым? Я сама мать подростка, спальня которого подпадает под закон об охране труда и здоровья; и внутри себя просто скривилась: «Ну, конечно, даже сумок приличных не нашли».

Шумные и возбужденные, парни едва успели на поезд; напыщенный дежурный на платформе уже свистел в свисток с яростным неодобрением. Наигравшись с автоматической дверью — открылась, закрылась, открылась, закрылась; почему-то их это очень забавляло, — они уселись на места у багажных полок. Однако, заметив двух подруг из Корнуолла, многозначительно переглянулись и двинулись по вагону к местам у девушек за спиной.

Я улыбнулась про себя. Понимаем. Я же не зануда, сама была молодой.

Девушки притихли и потупились, потом одна многозначительно взглянула на подругу. Да, один из парней был необыкновенно хорош собой, похож на модель или солиста мальчиковой группы. Невольно вспомнилось особое щекотание в животе. Ну сами знаете.

И я несколько не удивляюсь, когда парни встают и симпатяга перегибается через разделяющую их спинку сиденья. «Может, принести девушкам что-нибудь из буфета? Раз уж я иду?»

Обменялись именами, немножко похихикали... Спустя два кофе и четыре пива парни пересаживаются к девушкам — и они достаточно близко, чтобы мне все было слышно. Знаю, знаю, не следовало слушать. Но не забывайте, мне скучно. А они громогласные.

Так вот. Девушки повторяют то, что я уже уловила раньше из их болтовни. Поездка в Лондон — первая самостоятельная поездка в столицу, подарок от родителей в честь окончания средней школы. Им заказан номер в недорогом отеле, у них билеты на «Отверженных», и они никогда так не волновались.

— Шутите! Никогда не ездили одни в Лондон? — Карл, похожий на солиста мальчиковой группы, изумлен. — О, Лондон коварный город, девочки. Будьте внимательны. Только такси — никакого метро после театра. Слышите?

Карл мне нравится. Он советует магазины и лавочки — и клуб, где, как он утверждает, совершен-

но безопасно, можно послушать приличную музыку и потанцевать после спектакля. Он записывает на бумажке название. Там у него знакомый вышибала. «Скажете, что от меня, ясно?»

Анна, та, которая повыше, спрашивает про черные пластиковые пакеты; и я тайком радуюсь, что она поинтересовалась, — мне и самой любопытно.

Выясняется... Двое молодых людей только что вышли из тюрьмы. В черных пакетах их имущество.

Молчание длится недолго. Очень быстро девушки берут себя в руки.

— Прикальваетеесь?

Нет. Парни не прикальваются. Они решили быть честными. За прошлые ошибки расплатились сполна, но ничего не стыдятся.

Хотите начистоту, девочки? Карл отбывал наказание в Эксетере за физическое насилие, Энтони — за воровство. Карл просто вступился за друга, понимаете, и — положила руку на сердце — теперь поступил бы так же. К его другу цеплялись в баре, а Карл ненавидит забияк.

Я думаю над парадоксом — забияки против физического насилия; и разве у нас сажают за мелкие потасовки? — но девушки, похоже, очарованы и с милой наивностью говорят, что верность другу — это хорошо и что к ним в школу однажды приезжал парень после тюрьмы и рассказывал, как полностью изменил свою жизнь, отсидев за наркотики. Весь в татуировках. Весь.

— Ух ты. Тюрьма. Каково там на самом деле?

В этот момент я задумываюсь о своей роли.

Представляю, как мама Анны надрывается на кухне у плиты и с беспокойством спрашивает у мужа, как там их маленькая девочка, а он просит ее не волноваться по пустякам. «Они быстро вырастут. Разумные девочки. Все будет в порядке, милая».

А я думаю, что они совсем не в порядке. Потому что Карл говорит, что правильнее нашим подружкам найти кого-то, кто хорошо знает Лондон и может их сопровождать.

Карл и Энтони намерены остановиться у друзей в Воксхолле и предвкушают грандиозную вечеринку в честь выхода на свободу. Что, если они встретят девочек после спектакля и вместе отправятся в клуб?

И я решаю, что должна позвонить родителям девочек. Они упоминали название деревни. Анна живет на ферме. Не бог весть какая головоломка. Можно позвонить на почту или в местный паб; ну сколько там ферм?

Однако Анна отказывается. Нет. Они, пожалуй, лягут сегодня пораньше, чтобы с утра отправиться по магазинам. Они, видите ли, собираются первым делом пойти в «Либерти», потому что Сара хочет примерить кое-что от Стеллы Маккартни¹ и сфотографироваться на телефон.

Умница, думаю я, разумница. Можно не вмешиваться.

Увы, возникает осложнение, потому что Сара, похоже, запала на Энтони. Снаряжается вторая экс-

¹ Стелла Нина Маккартни (р. 1971) — английский модельер, дочь участника группы «Битлз» П. Маккартни.

педия в буфет, и по возвращении все меняются местами — теперь Анна сидит с Карлом, а Сара с Энтони, который жалуется, как загубил свою жизнь. Он пошел на преступление только от отчаяния, говорит он, — не мог найти работу. Не мог поддерживать сына.

Сына?

Я ошарашена. Меня накрывает тенью стыд за мою жизнь в шоколаде — я буквально съеживаюсь, пока Энтони объясняет, что судится с бывшей за право встреч с ребенком, пока жалуется Саре, как плохо, что он не сможет растить сына, а сын не будет знать отца. «Правда же, это ужасно, Сара? Вырасти, не зная отца?»

Сара меня поражает: сдавленным голосом она говорит, что Энтони действительно молодец, раз так переживает, ведь так много молодых людей не переживают, а просто бегут от ответственности. «Я чувствую себя ужасно. А мы-то про Стеллу Маккартни...»

Теперь я уже ничего не понимаю. Да и откуда мне понимать — мне, женщине, чьи баталии по поводу сына сводятся к запрету фильмов «детям до 18» в местном кинотеатре?

Дальше разговоры на целый час стихают до шепота, и я изо всех сил стараюсь читать — разобраться в преимуществах бесшумных ветрогенераторов. А потом Энтони и Сара снова идут в буфет. Опять пиво, думаю я. Большая ошибка, Сара. И я решаюсь.

Да. Я тоже пойду к буфету — якобы за кофе — и в очереди или в коридоре изображу, что у меня беда с телефоном. Попрошу Сару помочь — чтобы от-

цепить ее от Энтони для тихой беседы — и предупреду: если она не прекратит ерунду, я позвоню ее родителям. «Сию же минуту, понимаешь, Сара? Их номер я найду».

Наш вагон — третий от буфета. Во втором вагоне я стукаюсь о сиденья — бьюсь, бьюсь, бьюсь бедрами и нащупываю телефон в кармане жакета, проходя через автоматические двери в тамбур.

И тут слышу их.

Никакого стыда. Даже не пытаются вести себя тихо. Занимаются этим громко и гордо, в туалете поезда. Как животные в брачный период.

Я поняла, что это они, по голосу Энтони. *Как долго он ждал. Как он благодарен. Сара, о да, Сара...*

Я потрясена до глубины души.

Горю от унижения. От ярости. Задыхаюсь и хочу только одного: ничего не слышать.

И стыжусь своей наивности. Своих нелепых рассуждений.

Бреду по коридору до следующих автоматических дверей, в следующий вагон, взволнованно и растерянно пытаясь уйти подальше от свидетельства моего просчета.

Славные девочки?

В очереди в буфете я снова слышу биение пульса в ушах и думаю: хоть кто-нибудь их услышал? Пожаловался на них?

И повторяю про себя: пожаловался? Кому жаловаться, Элла? Другие сделают в точности то, что тебе следовало сделать с самого начала: займутся своим делом.

Тут мои мысли путаются, и я начинаю размышлять, почему стала такой отсталой, такой замкнутой. Женщиной, которая не имеет ни малейшего понятия о современной молодежи. И вообще ни о чем.

В голове — калейдоскоп воспоминаний. Обрывки картинок. Журналы, найденные в комнате сына. Тот вечер, когда мы пришли из кино рано и обнаружили, что Люк пытается взломать код на телевизоре, чтобы посмотреть порно.

В том злосчастном поезде я поняла, что непременно нужно поговорить с мужем. С моим Тони. Проверить ориентиры. Нужно спросить его: неужели вся проблема не в них, а во мне? Я — сплошное недоразумение, Тони? Нет, серьезно, будь честен со мной. А как мы тогда спорили из-за каналов для взрослых и журналов Люка!

Я что, самая ужасная ханжа?

Я действительно пытаюсь дозвониться до него — из гостиницы, после конференции. Хочу рассказать, что поступила разумно, когда пересела в другой конец поезда. Занялась собой. Девушки вполне способны разобраться самостоятельно.

Но Тони нет дома, и мобильный он с собой не носит, считая его, как некоторые, причиной рака мозга. Так что я поговорила с Люком. Меня странным образом успокоил его рассказ об ужине: он приготовил рагу по скачанному через новое приложение рецепту. Мой Люк любит готовить, а я пошутила насчет состояния кухни: он наверняка использовал всю имеющуюся посуду.

И вот утро в гостинице.

Ненавижу это ощущение: тело словно чужое — из-за кондиционера, незнакомой кровати и неумеренности с мини-баром. Моя норма в гостиницах — стаканчик бренди после утомительного дня. Едва только половина седьмого, и я поспала бы еще... Увы, десять минут мучений, и я сдаюсь, глядя на печальные пакетики в пиале рядом с чайником. Уговариваю себя, что вот на этот раз выпью растворимого кофе, а в результате выливаю его в раковину.

Смотрю на ряд пустых мини-бутылочек, ежась от ужасной мысли. Бросаю взгляд на телефон у кровати и ощущаю укол страха, знакомую дрожь: я сделала что-то стыдное, о чем еще пожалею. Поворачиваюсь спиной к ряду бутылочек и вспоминаю, что вчера после второго бренди решила позвонить в справочную, чтобы разыскать родителей тех девушек. От этого воспоминания меня бросает в дрожь, но память словно в дымке. «Ты в самом деле звонила? Думай, Элла, думай».

Вновь смотрю на телефон и пытаюсь сосредоточиться. Ага. Вспомнила — и напряженные плечи наконец расслабляются. Я держала трубку в руке и, уже почти набрав номер, поняла, что плохо соображаю — и не только от бренди. Мой мир перевернулся. Я хотела позвонить не от беспокойства за девочек, а в качестве наказания — злилась на Сару, которая заставила меня переживать.

Я поступила разумно. Положила телефон, выключила свет и легла спать.

Хорошо. Очень хорошо. Я ощутила такое облег-

чение, что решила в качестве праздника все-таки отведать растворимого кофе.

Включаю чайник, потом телевизор. И тогда он наступает — тот единственный миг, который растягивается, растягивается за пределы комнаты, за пределы города. Миг, когда я понимаю, что моя жизнь никогда не станет прежней.

Никогда.

Звук в телевизоре выключен — поздно вечером я смотрела фильм с субтитрами, чтобы не беспокоить постояльцев в соседнем номере. Но картинку не узнать нельзя. Фото со странички в «Фейсбуке». Красотка. Зеленые глаза сияют, светлые волосы укрывают плечи. На заднем фоне остров Сент-Майклз-Маунт.

И тут я словно каким-то образом отъезжаю назад — сквозь подушки, спинку кровати, сквозь стену — и вижу экран из далекого далека. А по экрану ползут ужасные, отвратительные слова: «Пропала... Анна... пропала... Анна...»

Чайник пышет сердитым паром на зеркало, а у меня в голове роится громадная черная туча слов.

Для полиции. Для Тони.

«Ну поймите, я собиралась позвонить...»

Глава 2

ОТЕЦ

Генри Баллард сидит в теплице, старательно не обращая внимания на шум из кухни.

Он знает, что нужно идти к жене — помочь, уте-

шить, — но знает и то, что ничего не может изменить. И не трогается с места. А по-честному — хочет просто сидеть и сидеть, глядя на лужайку. В этом странном пространстве, пристройке к дому, который никогда ему не нравился — то слишком жарко, то слишком холодно, несмотря на жалюзи и на вентилятор с пылеуловителем, установленный за бешеные деньги, — только здесь Генри удавалось впадать в полусознательное состояние, здесь его мысли скитались вне тела, вне времени, уплывали в сад, где он прямо в эту рассветную минуту слушает разговор девочек в их убежище среди кустов. Анна и Дженни.

Тогда у них начался мерзкий розовый период. Розовые одеяльца. Розовые Барби. Розовая палатка, купленная по какому-то каталогу и набитая всякой девчачьей всячиной. Он даже близко подходить отказывался. А теперь ничего так не желал, как забыть про удои и сенокос, про налоги и банки, чтобы разжечь костерок и жарить сосиски дочкам на завтрак. Настоящий лагерь — он много раз обещал им, но так и не устроил...

Могучий грохот на кухне возвращает его к реальности. Упали на пол жестянки — формочки для выпечки всевозможных видов и размеров.

- Да что ты делаешь?
- Сливовый пирог.
- Бога ради, Барбара...

Любимые пироги Анны. Бисквитный корж с начинкой из пряных слив. Генри чувствует запах корицы: баночка на кухонном столе опрокинулась, и пряность образовала маленький холм.